

Православный мир советской деревни в период Великой Отечественной войны (на примере Чувашии)

Широкова Марина Александровна

Соискатель

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова,

Историко-географический, Чебоксары, Россия

E-mail: mletaeva@mail.ru

Актуализация вопросов, касающихся истории религии и церкви, в современной науке обусловлена прежде всего стремлением более подробно изучить советское прошлое, в частности переосмыслить положение и роль религии в обществе того времени. Хронологические и территориальные рамки исследования ограничены сельской местностью Чувашии в период Великой Отечественной войны. Общеизвестно, что религиозность общества повышается в кризисные моменты его существования, когда людям особенно необходима моральная поддержка. Кроме того, в столь ограниченном территориальном масштабе у исследователя появляется возможность более подробно восстановить историческую картину тех лет. Изучение истории церкви в локальном разрезе дает много интересной информации и существенно дополняет общесоюзные сведения. История православной церкви в советский период во многом была определена фактором местных традиций, так как центральная церковная власть была не способна эффективно контролировать ситуацию. Именно на селе ввиду традиционности религия сохранилась на протяжении всего XX века. Она была нелегальной, вынужденной скрываться, однако факт присутствия веры говорит ее необходимости в тех условиях. Важным фактором актуальности обозначенной темы можно отметить изменения во взаимоотношениях государства и церкви, последовавшее за этим определенное возрождение храмов и религиозных обрядов, что несомненно произошло под влиянием войны. Религия была призвана защищать национальные интересы советского народа, что позволило ей включиться в борьбу против захватчиков как полноправному общественному институту.

В понятие «православный мир» мы включаем положение религии/церкви и ее служителей, а также систему взаимосвязей общество-церковь-государство. Чувашия как полиэтничный регион еще в советское время была территорией сосуществования нескольких религий, однако большинство населения придерживалось православной веры.

Обозначенная тема довольно слабо отражена как в российской, так и в региональной историографии, в основном в работах, посвященных истории отдельных храмов [1,2]. В некоторой степени это можно объяснить недостаточной источниковой базой. Архивы многих церквей не сохранились или просто не пополнялись в изучаемое время. Сведения о священнослужителях в основном относятся к более раннему периоду, так как многие были репрессированы или работали нелегально. Основным источником для нас стали фонды Государственного исторического архива ЧР и Государственного архива печати ЧР, в частности материалы Совнаркома ЧАССР [3], Президиума Верховного Совета ЧАССР [4], Совета по делам Русской православной церкви при Совнарком ЧР [5] и периодическая печать военных лет [6].

Накануне войны церковь в Чувашии находилась в плачевном состоянии. В результате антирелигиозной политики были закрыты храмы, репрессированы священники,

активно шло атеистическое воспитание молодежи, которая с утверждением советской власти перестает посещать службы. Однако нужно отметить, что в делах о закрытии церквей встречаются ходатайства граждан об открытии церквей. В них же содержатся сведения о различных незаконных средствах, к которым прибегали местные власти, чтобы получить согласие большинства на закрытие церкви. На подобные собрания заведомо приглашали в основном атеистов, по селу часто пускали слухи о жестких наказаниях, которые якобы будут применены к верующим, а также просто запугивали расправой. Подписи под ходатайствами о разрешении открыть церковь, свидетельствуют о сохранении веры. Священнослужители находились на нелегальном положении, по всей видимости они жили в основном благодаря поддержке населения.

Парадоксально, но начавшаяся война сыграла положительную роль в возрождении церкви. Сама церковная организация вовремя сумела воспользоваться сложившейся ситуацией и предъявить государству доказательства своей необходимости обществу. Священники проводят активную деятельность по сбору средств в пользу армии, верующие устремляются в церкви за утешением в нелегкие годы войны.

Постановлением Совнаркома СССР от 14 сентября 1943 г. был образован Совет по делам Русской православной церкви при Совнаркоме ЧР, призванный нормализовать отношения между Церковью и государством и удержать Церковь на патриотических позициях в условиях войны [7]. Совет наблюдал за правильным и своевременным проведением в жизнь законов и постановлений правительства СССР, относящихся к Русской православной церкви, разрешал недоразумения, возникавшие на местах между приходским духовенством и местными органами власти.

Постановлением Совнаркома Чувашской АССР 355 от 24 марта 1944 г. уполномоченным Советом по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР по Чувашской АССР был назначен С. Л. Шумилов [8]. Положение об уполномоченном Совете по делам русской православной церкви при Совнаркоме СССР по Чувашской АССР обнаружить не удалось. По этой причине основные его задачи и функции можно восстановить по данным отчетов. Помимо контроля за исполнением законов, относящихся к деятельности Церкви, уполномоченный был «обязан изучать и хорошо знать церковную обстановку в республике, деятельность церкви и духовенства; отслеживать, в каком направлении развивается эта деятельность, реагирование духовенства на политические события в стране и за рубежом и информировать об этом Совет и руководящие органы на местах» [9]

Основным источником по обозначенной теме являются отчеты уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР по Чувашской АССР и документация по открытию церквей на территории Чувашской АССР в годы войны. Возрождение приходов и разрешенной государством деятельности священников относится к началу 1944 г., однако многочисленные ходатайства местного населения зафиксированы в источниках и ранее. На территории Чувашской АССР к апрелю 1944 г. из 309 не разрушенных церквей функционировали 10, причем 9 из них были сельскими [10]. В период войны не раз случались вспышки эпидемии сыпного тифа, что также являлось причиной временного закрытия уже действующих церквей или отказа властей в открытии новых. Так, в 1944 г. были временно закрыты Батеевская, Буртасинская и Мусирминская церкви [11].

К июлю 1944 г. в Чувашской АССР действовало 10 церквей, а по состоянию на 1

октября – уже 15. Однако распределение их не было равномерным: 7 церквей располагались в двух районах – Порецком и Урмарском, в том числе 6 церквей – в русских селениях.

С открытием церквей увеличивалось количество зарегистрированных священнослужителей. Всего за один год – с 1 апреля 1944 г. по 1 апреля 1945 г. их число возросло с 10 до 23 [12]. Представители духовной интеллигенции, наряду с бывшими членами церковных советов, церковными старостами, крестьянами-единоличниками, в ряде случаев выступали инициаторами сельского движения за открытие церквей. Многие из них несколько лет находились без работы и вынуждены были перебиваться дополнительным заработком. У священника и народа, духовные интересы которого он представлял, были весомые аргументы, с помощью которых они и пытались заставить власть прислушаться к своим просьбам. Чаще всего в ходатайствах указывалось «стремление молиться за погибших на фронтах родных сыновей и братьев, за разгром гитлеризма и победу русского оружия» [13].

В годы войны постепенно восстанавливается стройная церковная организация. В первый же день войны, 22 июня, местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергей, несмотря на свои физические недостатки (глухоту и малоподвижность), написал и собственноручно отпечатал на машинке послание, в котором призывал православный русский народ на защиту Отечества. В условиях опасности, нависшей над Москвой в 1941 г., митрополит Сергей был эвакуирован в Ульяновск, поэтому духовный центр России находился в непосредственной близости к Чувашии. Глава церкви вернулся в Москву лишь в августе 1943 года.

Восстановление местной церковной организации происходило гораздо медленнее, чем центральной. В источниках 1944–1945 гг. отмечаются многочисленные факты неподчинения церковному руководству, отсутствие единоначалия и твердого авторитета, а также дисциплины среди священнослужителей. Часто священник уже был в селе или приглашался со стороны активом верующих, поэтому возникали конфликты, когда прибывал другой, назначенный на это место службой вышестоящим руководством. Так, например, бывший служитель Шихранской церкви Канашского района священник Сазанов был назначен архиепископом Казанским Андреем (управляющим Казанской епархией) на должность священника Семеновской церкви Порецкого района. Однако священник Захаров, снимаемый с работы, не подчинился этому распоряжению и остался служить. Церковный совет также отказался принять Сазанова. Так же не подчинился священник Шихринской церкви Канашского района Каминский и церковный совет не принял вновь назначенного благочинного Уточкина, переведенного из Порецкого района. Таким образом, кадровые вопросы решались непросто, и отсутствие стабильной вертикали церковной власти приводило к конфликтам.

Возрождение деятельности духовной интеллигенции происходило в тяжелых условиях войны. Кроме того, оно было четко регламентировано со стороны государства многочисленными правилами и запретами. Согласно закону об отделении Церкви от государства и школы от Церкви духовенству было запрещено совершать религиозные обряды в государственных и общественных учреждениях и предприятиях, «под открытым небом при большом скоплении народа», преподавать вероучение лицам, не достигшим совершеннолетнего возраста, использовать религиозные предрассудки верующих и совершать обряды на дому, будучи незарегистрированными.

Советское правительство достаточно жестко контролировало церковь. Для решения спорных вопросов верующие считали обычным делом обращаться, прежде всего, в органы светской власти. Даже священники должны были получить специальное разрешение на профессиональную деятельность.

Источники и литература

1. Браславский Л.Ю. Храмы, приходы и монастыри в Чебоксарах и Чувашской епархии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2000. 224 с.
2. Берман А.Г. Страницы истории православия в Чувашии в XX веке. Чебоксары, 2009. 132 с.
3. ГИА ЧР. Ф. 203.
4. ГИА ЧР. Ф. 1041.
5. ГИА ЧР. Ф. 1857.
6. ГАП ЧР. Красная Чувашия.
7. ГИА ЧР. Ф. 203. Оп. 19. Д. 258. Л. 150.
8. ГИА ЧР. Ф. 203. Оп. 19. Д. 638. Л. 223.
9. ГИА ЧР. Ф. 1857. Оп.1. Д. 74. Л. 77.
10. ГИА ЧР. Ф. 1857. Оп. 1. Д. 15. Л. 2/
11. ГИА ЧР. Ф. 1857. Оп. 1. Д. 15. Л. 2
12. Данные на 1944–1945 гг. составлены по: ГИА ЧР. Ф. 1857. Оп. 1. Д. 15. Л. 5, 22, 37.
13. ГИА ЧР. Ф. 1857. Оп. 1. Д. 15. Л. 2.